

УДК 910.4

Т.М. Сипенкова

**«КАК МОЖНО МЕНЬШЕ БЫТЬ ТУРИСТОМ...»
О КНИГЕ В.Л. КИГНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ
В ИТАЛИИ И ЕГИПТЕ. ЗАМЕТКИ О ТУРЦИИ» (СПб., 1888)**

Имя писателя, о книге которого пойдет речь, когда-то было хорошо известно читающей публике России. О нем тепло отзывались М. Горький и А.П. Чехов, его имя вошло во все справочные издания. Однако бурная эпоха лихолетья втянула его в свой водоворот, и в 1908 г. при трагических обстоятельствах он был убит. Суворинское «Новое время» устами своего сотрудника, известного журналиста М.О. Меншикова, предсказало Владимиру Львовичу Кигну забвение, и это печальное предсказание сбылось.

Родился В.Л. Кигн в 1856 г. в немецко-польской семье, православный. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1876 г. дебютировал в «Неделе», а потом печатался в различных русских журналах. В 1888 г. в типографии Н.А. Лебедева в Петербурге была отпечатана его книга под названием «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции». Еще в 60-е годы XX в. ее можно было найти на полках букинистических магазинов, а Б.М. Данциг включил ее в свой известный свод сведений о русских путешественниках на Ближнем Востоке [1]. В.Л. Кигн писал под псевдонимом «Дедлов».

В предисловии автор сообщает, что в путешествии участвовали четыре человека; письма об этом под названием «Из далека» печатались в «Неделе», а одно из них вышло в «Наблюдателе». Книга посвящена товарищам автора по путешествию — Адриану Викторовичу Прахову, Александру Васильевичу Кривошеину и графу Глебу Дмитриевичу Толстому.

Записки начинаются 6.XI.1886 г. и заканчиваются 13.V.1887. Дедлов поставил перед собой задачу «как можно меньше быть туристом», передать общие впечатления, писать правду, и поинтересней [2. С. 1–2].

Блестящее описание Италии завершается смелым замечанием: «Довольно Италии. Уезжая из этой страны, уносишь с собой тяжелое чувство. Точно выходишь из великолепной комнаты, в которой видел великолепный труп... Мертвецки приличная неподвижность и начинающийся запах тления неопровержимо говорят, что тут уже все кончено... В Африку» [2. С. 242].

Для путешественника, прибывающего в Египет через Италию, страна открывается с Александрии, которая более всего напоминала автору Одессу: «Александрия насквозь пропитана пылью и торговлей. Весь египетский ввоз и вывоз идет через нее, и жизнь города исчерпывается нагрузкой, разгрузкой, перевозкой, складом и торговой конторой. Купцы и ломовые извозчики — вот ее население. Барыш, поденный заработок — вот вся ее жизнь. Словом — Одесса» [2. С. 255].

Путешественники увидели последствия английской бомбардировки Александрии в 1882 г. и феллахов-каменщиков, восстанавливающих постройки под непривычное слуху автора «негармоничное пение». «Архитекторы и десятники, конечно, европейцы, похаживают с тросточками и покрикивают». Красномундирным английским солдатам «решительно нечего делать, потому что целый день можно видеть, как они, в белых перчатках и с тросточками в руках, зевая, бродят по городу пешком или верхом на ослах» [2. С. 256]. «Александрийская толпа тоже мало африканская или восточная. Преобладает европейский сброд, собравшийся со всех концов света клевать глупый, но жирный Египет» [2. С. 256].

Русский язык в те годы был на Ближнем Востоке достаточно распространен, проводники могли говорить на нем. Один такой проводник совершил мелкое мошенничество, сбежав с двумя пиастрами, взятыми на покупку газет. Дедлов с грустной иронией отметил этот эпизод, не изменивший его симпатии к египтянам. Из окна поезда он наблюдает, как «две колоссальные аглицкие скотины, лет девятнадцати, двадцати, полупьяные, забавляются тем, что швыряют из окна вагона хлебными корками в лицо сторожу, стоящему у сигнального колокольчика. Его черное лицо неподвижно. Аглицкие скотины приехали на тысячные места полицеймейстеров, вице-губернаторов, председателей окружного суда» [2. С. 256–257].

Описания природы и толпы (казалось бы, что можно увидеть из окна едущего поезда?) очень колоритны, информативны и доброжелательны по отношению к египетскому народу. Экскурсы в область истории органично вплетены в канву повествования, подчиненные общей идее понимания и проникновения в жизнь и историю страны. Автор приводит текст переписки халифа Омара ибн ал-Хаттаба (634–644) и эмира Амра ибн ал-Аса (по нашему мнению, достоверность этого документа сомнительна. — Т.С.), обращая внимание на то, что ни одно из предписаний халифа Амру не исполнено, т. к. со временем на историческую арену вышли мамлюки: «Впоследствии они превратились в преторьянцев, а их беи (полковники) — в феодальную шляхту, в маленьких царьков, грабителей народа и противников образования единой и твердой власти» [2. С. 269].

История избиения мамлюков описана Дедловым красочно, в присущем ему ироническом тоне, как и история правления Мухаммеда Али и его наследников. Политику Мухаммеда Али («соорудил много каналов, зданий и плотин») автор характеризует как губительную для народа, отмечая, что «разорением страны и идиотизмом он [Мухаммед Али] обязан западным державам, в особенности, Англии»: «Когда в 1839 году Мохаммед нанес смертельный удар Турции, Европа накинута на него с флотами, армиями и довела до крайней степени политического унижения. Этого не выдержал честолюбивый, по-своему великий, до изнеможения утомленный бурной жизнью человек и стал дураком» [2. С. 270]. Далее следует описание династии: тут и сын Аббас («дурак природный, который выгнал из Египта европейцев, но тоже разорил страну на содержание своих зверинцев и любовниц» [2. С. 270]), затем Саид — «европейски образован, умен, но сантиментально влюблен в цивилизацию». При нем страну разорили европейские инженеры и подрядчики, которым он слишком доверял. Способствовала разорению и необходимость помогать Турции в севастопольской компании. В правление Саида была начата постройка Суэцкого канала [2. С. 271].

Исчерпывающе точна характеристика хедива Исмаила: «Это тип светского нигилиста. Образован по необходимости, изыскано вежлив по привычке, эпикурец по природе, циник по опыту, он жил для себя: главным образом для собственного удоволь-

ствия и немножко для славы». Оценив опыт своих предшественников с двух точек зрения — разорения страны и беспокойства для правителей, Исмаил выбрал из двух зол меньшее — разорение страны. «Достаточно сказать, что он воспитывался в Париже, а в политике стремился подражать Наполеону III». Исмаилу принадлежала четверть всей обрабатываемой земли Египта. Одни его сахарные плантации давали 130 000 000 франков дохода в год. Празднества по случаю открытия Суэцкого канала, взятка турецкому правительству за титул хедива, войны, расширившие пределы Египта почти до экватора, строительство множества роскошных дворцов и огромнейшие хищения европейских прожектеров, техников и подрядчиков — все это совершенно разорило страну [2. С. 271]. В конце концов Исмаил был объявлен банкротом, лишен трона и отправлен на житье в Италию, где получил пенсию в полмиллиона рублей [2. С. 272].

«Ему наследовал официально его сын Тевфик, а фактически англичане», и хедив оказался, по словам Дедлова, «в положении наковальни, по которой бьют два кузнеца»: это Европа с ее консулами, ликвидационной комиссией египетских долгов и контролем финансового управления и армия. Кигн пишет и о выступлении армии, и о национальной (Отечественной) партии, и о резне европейцев, и об английской бомбардировке Александрии [2. С. 273].

Попутчик Дедлова, очевидец событий 1882 г., голландец, служивший на сахарном заводе, рассказал Дедлову подробности тех событий: «Феллахи — большие трусы. Но на этот раз они точно взбесились. Среди европейцев разразилась паника, и их порядочно перерезали. Кто не потерялся, кто держал в руках револьвер или ружье, того не тронули. Я сам видел, как трое европейцев остановили в одной из улиц целую толпу, заставили ее показать тыл и бежать. Европейцы гнались за ней по всей улице и убивали на выбор. Отворились окна некоторых домов, и оттуда арабов били крупной дробью, как диких уток» [2. С. 260]. В ответ на замечание Дедлова об излишней жестокости, собеседник ответил, что в обычное время феллах «не бывает очень порочен... он — мелкий вор и очень несмелый грубиян... Но если начинается брожение более серьезных дурных инстинктов, особенно в массе, тут следует обрушиться всей тяжестью угрожающих мер, тут необходимы выбитые зубы, порка до крови и живого мяса, тут его нужно бить так, чтобы он упал наземь. Иначе южная кровь загорится и, не обуздываемая рассудком, религией, чувством долга, породит такой пожар, в котором погибнет и общественный порядок, и сам разнузданный зверь. Только сильная физическая боль может заглушить безумные порывы омраченного разума. Народ пьянеет, и его нужно опьянить в противоположную сторону, иначе будет беда» [2. С. 260–261]. «Белая наковальня не выдержала своей самостоятельной, но невыносимой роли и отдалась англичанам на полную волю» [2. С. 273]. «Тем только того и надо было. Они сейчас же заняли военными кораблями Суэцкий канал, разбили Арабы, водворили Тевфика на трон и с тех пор вот уже пять лет держат Египет в руках посредством военных гарнизонов и чиновников, которыми переполнена египетская администрация» [2. С. 273].

Дедлов пишет и о восстании Махди в Судане, которое подавили англичане, вследствие чего Египет потерял почти весь Судан. «Англичанам эта потеря, конечно, трагедия: им нужны канал и дельта, а не суданская чушь и дичь... Расходы по усмирению в конце концов падают на Египет, а не на Англию. Чудовищные жалованья английских чиновников в конце концов платит тоже Египет. Казалось, феллах, шесть тысяч лет подряд плативший невыносимые подати, шедшие то на пиры, то на мечети, то на походы Александра Македонского, то на пиры Клеопатры, достиг пределов бедности.

Англичане блестяще доказали противное и превзошли Клеопатру: со времени их оккупации феллахи стали еще бедней» [2. С. 274].

С 1800 г. в Египте «существует твердая власть», с 1854 — «заведена в нем блестящая Европа» [2. С. 274], с 1882 г. «англичане обещают сделать из Египта Англию, но уже самой судьбой назначено, что каждая английская колония превращается в Ирландию» [2. С. 274]. Когда газета «ал-Ахрам» осмелилась напечатать известие в три строчки о недовольстве жителей одной из провинций непосильными налогами, английская «The Egyptian Gazette» ответила циничным замечанием: «...уж так устроен свет, что никогда не находит налоги легкими» [2. С. 274-275].

Глубина исторического восприятия Дедлова поистине поразительна: «Настало мгновение, которое заставило дрогнуть сердце: поезд на всех парах поднялся на небольшую насыпь..., и мы очутились над Нилом, над древним Яро, на берегах которого вылупились первые крокодилы и вывелся первый исторический народ, родоначальник современной европейской культуры, завоевавшей весь мир» [2. С. 259]. Двенадцать страниц посвящены экскурсу в древнюю историю Египта в связи с посещением автором Булакского музея древностей. «Не пробегайте музей наскоро, остановитесь и вспомните, что перед вами собраны памятники первого культурного народа на земле. Перед вами первая искра сознательной мысли и творчества. Это первый народ, который создал искусство, науку, религию, государство. И потому что он первый, он единственный из народов, создавший все это своими силами, без помощи, без подражания, а естественно. Это великая тайна и великое чудо, рождение в мире духовного человека» [2. С. 301]. Изложив историю Древнего Египта, Дедлов пишет: «Такова беспримерно долгая история первого культурного народа, которую можно прочесть по памятникам Булакского музея. Сначала молодость, протекшая в исключительно благоприятных географических, климатических и почвенных условиях. Затем — мужество, не знавшее границ своим силам и пределов упоению мечтами. Потом неожиданная старость, полная немощей и страданий. Наконец, апатичная смерть. Египтяне живут еще и теперь, но египетского народа не существует» [2. С. 312].

Осматривая каирскую цитадель, Дедлов отмечает полное отсутствие там египетских солдат: «Англичане поставили исключительно своих и когда угодно могут превратить Каир, лежащий у ног цитадели, в груды развалин» [2. С. 291]. Пример Александрии убедительно доказывает это. В цитадели Каира англичане чувствуют себя совсем как дома. «Часовые, пристально осматривающие экипажи, въезжающие в ворота цитадели; кавалеристы, напевающие свои национальные мотивы, пехотинцы с ружейными приемами, артиллеристы, наводящие свои пушки то на дворцы, то на базары, то на казармы; офицерский клуб с выпивкой и газетой “Standard”. Семейные Марсы рожают детей. Няньки носят этих детей на прогулку по бастионам. Словом, все уже в порядке, как и на Гибралтаре, на Мальте, в Адене, на Кипре» [2. С. 292].

Оккупационная политика не могла не вызвать сопротивления со стороны народа, в том числе крестьян, обычно робких, несмелых. Дедлов описывает случай, имевший место в феврале 1887 г., когда два пьяных английских офицера охотились около пирамид «не столько на птиц и зверей, сколько на бутылки виски и коньяку». Они опасно ранили крестьянского ребенка. Дедлов прекрасно передает отношение англичан к простому народу: «Дерзкий мальчишка поднял вопль, его дерзкие родители тоже подняли вопль. Вопли подняли на ноги дерзкую деревню, которая осмелилась ругать и бросать грязью в офицеров Ее Величества. Офицеров Ее Величества такие поступки возмути-

ли, и они открыли пальбу по наглым подданным Его Высочества, из коих двое были ранены, а один убит». Когда у английских вояк кончились боеприпасы, крестьяне захватили их в плен и «оскорбили самыми возмутительными действиями». Англичане послали в деревню карательную экспедицию. Староста предложил выдать участников англичанам и передать дело в суд, но англичане обошлись без суда. Наказание состояло в том, что «одинадцати феллахам вlepили по сто плетей. Некоторые обмерли уже на половине порции, но им не давали ни отдыха, ни срока, пока не было отпущено положенного числа ударов». Весть об этой расправе облетела всю страну, достигла Каира, где «народ смотрел волком, собирался на перекрестках кучками, при встрече с европейцами ворчал *“ихрибета”* (чтоб провалился твой дом) и *хамзир* (свинья), иногда даже плевался, но, не смея плюнуть в лицо, отплевывал сзади сюртуки или сапоги. Отдано было даже распоряжение не отпускать английских солдат на ночь в кабаки и публичные дома азиатского квартала. Но пушки цитадели смотрели на Каир слишком недвусмысленно, чтобы дело пошло дальше плевков и мрачных взглядов. Прошло несколько дней, и кабаки снова наполнились англичанами в красных мундирах и шотландцами без панталон» [2. С. 319].

В Каире путешественников опекали русские дипломаты: консул Кояндер, чиновники Щеглов, Катков и Иванов.

Описание Каира отражает все социальные перемены, вызванные английской оккупацией. Город резко делится на Европу и Азию, отличные друг от друга, но «ночью азия и европа — вертеп разврата... Европа не отстает от Азии. Она завела множество кафе-шантанов... Расходятся только тогда, когда загорается янтарная египетская заря, та самая заря, которую так чтили древние египтяне. Заря разгорается в безмятежном величии, не замечая и не оскорбляясь освещаемым ею развратом» [2. С. 265–266].

Дух наживы пропитал собой всю жизнь Каира, и «нет в мире города, где мошенник пользовался бы более завидным положением, чем тут. Чем он крупнее, тем больше ему почета. Каирское “общество” кишит разжившимися своднями, шулерами, хозяевами гнусных притонов, наворовавшимися подрядчиками и отбросами европейских государств» [2. С. 266].

«Пресса образованного Египта томительна, как и его столица. Арабские газеты задавлены двойной цензурой, правительства и всемогущих европейцев. Европейские издания: “The Egyptian Gazette”, “Le Phare d’Alexandrie” и “Le Bosphore egyptien” заняты или обличением гаремных дам, бьющих своих служанок, или взаимными перекурами. “Gazette” — орган англичан, “Phare”, “Bosphore” служат французам. И между ними идет бесконечная, грубая и бранчливая полемика. Если напьется пьян француз и переночует в участке, орган англичан печатает передовую статью в пять столбцов, уверяя, что все французы пьют с утра и до ночи, и ночуют не иначе как в участках. Французские газеты выходят из себя и выдвигают великую историческую тень Наполеона I, который не был пьяницей. Наполеону противопоставляется аглицкий унтер Вильям Вискинсон, произведший буйство в саду Эзбекии и в заключение откусивший нос туземному городовому, почтительнейше просившему его перестать петь английский национальный гимн и боксировать с гуляющими по саду няньками. Все англичане не только мужского и женского, но и среднего полов — таковы. Читать эти перекуры и скучно, и глупо, особенно, когда знаешь, что великие нации ссорятся вовсе не из-за того, кто меньше пьет, а из-за возможности грабить Египет, высасывая его кровь из суэцкой артерии» [2. С. 266–267].

Все эти тонкие наблюдения заключены в одном абзаце в тринадцать строк, заключа-

ющемся словами: «Все это говорит, что здешняя Европа фальшивая, а богатства неправедные» [2. С. 267].

В Суаке (Суакине) Дедлов наблюдал работы по расчистке древнего канала. Сотня рабочих в одних набедренных повязках работает так: один нагребает киркой землю в корзину, а другой относит ее в сторону. «Русский землекоп назвал бы этот способ работы баловством» [2. С. 328]. «Около работы похаживают бесчисленные надсмотрщики, в серых штанах, в пиджаках, с хлыстиками, в фесках, разнообразнейших европейских происхождений, начиная чухонцами и кончая египетскими греками. Все они совершенно не нужны, т. к. рабочим задаются уроки и плата задельная, но все они отлично оплачиваются. Египетская казна — дойная корова для европейского сброда» [2. С. 328]. Ежегодно заносимый песком канал можно поддерживать в хорошем состоянии иначе, можно предупредить заносы, но «это значило бы зарезать корову, которая дает такое жирное молоко после спада полой воды с февраля по июль». Власть в руках у инженеров и подрядчиков, овладевших финансами, крепостями и самим хедивом Египта. Печать туземцев пикнуть не смеет, а газеты на европейских языках издаются теми же дельцами. «Выходит великолепное шито-крыто, энергичный грабеж и безнадежная апатия туземцев» [2. С. 328–329].

Недалеко от Луксора путешественники наблюдали поистине рабский труд: «две тысячи рабочих копошились в земле, растянувшись на несколько верст» [2. С. 353].

Живописно описание базара в Луксоре. Убог товар на нем: три ермолки, пара железок для валов водочерпательных машин, пара хлопчатобумажных платков для женщин, пара туфель, десяток вареных яиц, портящиеся от жары и облепленные мухами сырые овечьи мозги и печенка. В кошельке у покупателя всего три пиастра, да и то «особенной никелевой монеткой величиной с горошину и ценой меньше копейки... Как ни крохотны никелевые монетки, а их, во-первых, нужно заработать, поработавши не мало, и, во-вторых, на них можно купить». «Вот она, работа, зажата в горсти. Раскроешь — и увидишь ее. Зажмешь — и никто не знает, что у тебя в кулаке целый день работы. Такие деньги тратятся обдуманно, расчетливо и с торжественностью» [2. С. 365].

Благодаря протекции русских дипломатов, Дедлову и его спутникам удалось получить аудиенцию у хедива Тевфика, описанную с мягким юмором, обилием деталей, создающих верную и тонкую характеристику все понимающего человека, но обреченного на подчинение обстоятельствам, которые выше него. Он хорошо понимает настрой своего народа: «Простой народ очень странен. Он не идет туда, где лежат великие султаны. Он ищет дядю Пророка, зятя Пророка, внука Пророка и идет к этим внукам и троюродным дядям» [2. С. 285].

На дервишей Дедлов взглянул со своей сострадательной позиции. Посетив бедную мечеть на городской окраине, он увидел «нищих дервишей, грязных, взлохмаченных, голодных и не холодных только потому, что холод в Египте дорог: нужно покупать искусственный лед». Воют дервиши от голода, «и это доводит их до сытости, до восторга, до ощущения в себе божества» [2. С. 293]. В эту убогую мечеть европейцы ездили смотреть пляски дервишей, платя за зрительское место — стул — двугривенный. На лицах европейцев написано лицемерное омерзение, но от зрелища они не уходят, напротив, специально едут на окраину. *Зикр* описан детально, звуковые характеристики таковы, что создают впечатление реально слышимой музыки и пения. Известны попытки ученых описать состояние дервиша, но, пожалуй, глубже многих проник в их состояние Дедлов: «А дервиши в это время чувствуют себя на небе. Перед их глазами носится что-

то туманное, пурпурного цвета, огромное, грозное и величавое. Это — Аллах. Громадный, волнующийся пурпур — его одежда, по которой, как по туче, пробегают золотые молнии. А тот костлявый старик, который только что упал навзничь и лежит, открыв побелевшие губы и вытаращив остеклившиеся черные глаза — этот видит также и лицо Аллаха, темнооливкового цвета, с кустистыми черно-седыми бровями и седой гривой волос, как у дервиша. Грозен Аллах, но упавший старик глядит ему прямо в глаза и жадно пьет взгляд этих глаз. И что для него в сравнении с этим зрелищем взяточники-чиновники, несправедливые судьи, забывший его хедив, поработившие его страну англичане, его собственный голод, его грязь, презрение смотрящих на него европейцев и равнодушие его земляков-нищих, вымаливающих тут же за дверью у этих европейцев милостыню! Так забывается народ, раздавленный двумя тысячами лет рабства, нищеты, невежества и ежечасного мелкого горя, сопровождающего эти три главные беды» [2. С. 296].

Описание плясок *гавазы* — этой «водки для египтян» Дедлов заимствует из книги Maxime Du Camp «Le Nile» [2. С. 297–300].

С большой теплотой описаны девочки-подростки из коптской деревни: «Какой глубокой древностью веяло от их образов! Точно ожили древние статуи с их непривычно, странно красивыми глазами. Тела их были худощавы, но нигде не выдавалась ни одна кость, ни одно ребро — ни на лице, ни на теле. Ноги и руки были тонки, но изящны; мускулы прелестно закруглялись у плеч и ниже локтей, на икрах и бедрах. Кисти рук и ступни были маленькими. Около нас сидели дети шести лет, и самые маленькие из них были стройны и пропорциональны, как взрослые; ни выпученных животов, ни надутых щек, ни бессмысленных круглых глаз, ни колеблющейся походки и жирных складок европейских детей» [2. С. 379].

Это было время, когда в глубинке арабского мира можно было услышать: «*Москоб! Москоб, кофт, габеш сауа-сауа, хауйя*» (москвич, копт, аббисинец — все одно, братья!), «а дальше все пошли мусульмане да англичане — ничего хорошего» [2. С. 393].

Рассказывает Дедлов и о хищениях и спекуляциях египетскими древностями, и о невежественно-наивных рассказах проводников-феллахов, прекрасно передающих чувства простого люда по отношению к англичанам. Такой проводник рассказал путешественникам, что храм Тутмоса построен лет сто назад англичанами. Они будто бы построили храм дурно, и хедив ничего не заплатил им. Они пошли домой пешком. По дороге попали в Мекку, и один из них украл в мечети красную туфлю Пророка и положил ее в задний карман сюртука, надеясь продать по пути. Кражу заметил Пророк с неба, проклял англичан и превратил их в павианов. Красное место у павиана сзади это и есть туфля пророка [2. С. 415].

Дедлову пришлось общаться и с англичанами, не скрывавшими враждебного отношения к России. Они радовались смерти генерала Скобелева, полагая, что под его начальством мог состояться поход на Индию. Жалели о том, что упустили возможность поднять против России Кавказ [2. С. 223].

В последние дни пребывания в Каире перед отъездом в Иерусалим путешественники попали на ежегодную ярмарку в Гизе, приуроченную к празднованию якобы имевшего место въезда в город Пророка. Мусульманам пришлось не по душе любознательность иноверцев, и их чуть было не забросали камнями, но даже это обстоятельство, потребовавшее вмешательства солдат, не могло омрачить восторга, который испытал автор книги при звуках приветственных кликов женщин, доносившихся с крыш (это

был знаменитый высокий горловой клик «*загарид*», приобретающий особую окраску благодаря перебиванию звуковой волны частым движением руки у губ. — Т.С.).

Египетским полям в книге Дедлова отведен особый раздел, подробно описан водный режим Нила, система каналов для накопления и отвода воды и плодородного ила, знаменитое водочерпательное устройство — *сакиэ*, насчитывающее уже пять тысяч лет. На помосте, над колодцем, глубина которого зависит от расстояния до Нила, «помещается грубо сбитое горизонтальное колесо, которое вращают буйволы; оно своими спицами-палками цепляет такие же спицы вертикального колеса. С оси последнего опускается вниз под воду двойная бесконечная веревка из волокон пальмовых стволов, к которой привязано штук тридцать-сорок глиняных кувшинов-кружек. Кувшины опускаются, черпают воду, поднимаются и опорожняются в земляное гнездо, выложенное рогожами. Оттуда вода распределяется по полям» [2. С. 396]. Карикатурой кажется наша пшеница в сравнении с египетской. При надлежащем уходе и зерновые, и клевер густы и высоки, но «земледельческие чудеса Египта достигаются каторжным трудом» [2. С. 397]: «целые дни от утра и до вечера голый феллах, обливаясь потом, качается, черпая воду, и гнется, разводя ее по полям» [2. С. 397]. «*Сакиэ* доставляет воду, необходимую для хорошего роста хлебов на четырех десятинах; но тогда нужно, чтобы у хозяина было по крайней мере десять пар волов или буйволов» [2. С. 397].

После примитивной вспашки плугом, «более похожим на кривое дерево с острым суком, чем на чудо научной механики современного плугаря», «начинается медленная и тяжелая работа». Участок поля разделен на квадраты примерно в 10 кв. саженей с совершенно горизонтальной поверхностью, а границы каждого участка обнесены валиком земли высотой вершка в три. «Каждый квадрат одною из своих сторон соприкасается с оросительной канавкой, величиной с водосточный желоб на крыше». Иногда это действительно канавка, иногда — желоб на гребне небольших валиков [2. С. 397–398]. Создание сети канавок требует много сообразительности и еще больше времени. Вода не должна нигде застаиваться, должна течь равномерно, нужно помнить расположение всей сети, чтобы в высоком хлебе отыскивать ее. Иногда несколько часов уходит на поиск места прорыва канавки, и «все время, пока течет вода, нужно с киркою в руке, осторожно, чтобы не смять пшеницы, бродить по полю и последовательно раскапывать валики квадратов для напуска в них воды и потом снова их заделывать» [2. С. 398]. На логом обложены три ежегодных урожая, и феллах работает круглый год, без отдыха. Если крестьянин заболел, то возникает поистине некрасовская картина заброшенной полосы: «в одном месте нам попался жалкий ячмень, преждевременно пожелтевший, с зерном, не налившимся и на одну треть, редкий», и оказалось, что хозяин ячменя проболел около месяца и не мог поливать его [2. С. 398–399]. В итоге «земля рассыпалась прахом, а хлеб пришлось продать на корню на корм ослам» [2. С. 399].

Обилие скота позволяет населению использовать навоз как топливо, поэтому он весь собирается, сухой или свежий. Заняты этим обычно дети. В Луксоре путешественники наблюдали представление, устроенное совершенно голым семи-восьмилетним мальчиком: он изо всех сил колотил себя по голове, лицу и по бокам, искусно подражая звукам ударов, делая вид, что уклоняется от них, пряча голову, извиваясь всем туловищем и громко причитая. Путешественникам объяснили, что ребенок «показывает, как феллах не заплатил податей, и как шейх (староста) бьет его и приказывает заплатить» [2. С. 401].

Далее путешественники отправились в Иерусалим: поездом до Исмаилии, оттуда

«лилипутом-пароходом» по Суэцкому каналу, мимо Порт-Саида — «колоссального постоянного двора с десятью тысячами целовальников, кухарок и “хозяев”, на самом “бойком месте” в свете, на перепутье между всем европейским западом и востоком Азии, Африки и Австралии. В нем все — кабаки, арфянки и трактиры» [2. С. 438–439]. Затем путники пересели на русский пароход, и «давно невиданной российской халатностью и российским кисло-протестующим против чего-то неизвестного расположением духа повеяло от парохода» [2. С. 439].

Грустное впечатление произвели на Дедлова русские паломники, и даже от выделяющихся из общей массы группы двух «заправских мужиков» и жены одного из них «неприятно веяло Россией» [2. С. 440]. Яффа встретила путешественников жандармской грубостью и таможенным вымогательством.

В Иерусалиме Дедлов провел две недели и с горечью отмечал, что «все святое в Иерусалиме разрушено», и невозможно припомнить «ни одного не только отрадного, но хотя бы не неприятного впечатления» [2. С. 446]. Это настроение усугублялось еще и подхваченной лихорадкой. Иерусалим предстал перед путниками уездным турецким городом, глушью, «турецким Курганом, Орском или Пошехоньем» [2. С. 447–448]. Иерусалимское общество — иностранные консулы, да два-три банкира, в городе царит сплетня — единственное развлечение всякого уездного города. Процветанию города способствуют монахи и богомольцы. Турецкая администрация «страшно ворует»: «Статские занимаются взятками и разорением населения, военные обкрадывают солдат» [2. С. 448]. «Нет создания несчастней турецкого солдата», одетого в заплатанную-перезаплаченную куртку, рваные штаны и обутого в «старые-престарые туфли, бессменно находящиеся у ворот для сменяющихся часовых» [2. С. 448].

«Для турка в Иерусалиме только семь тысяч жителей. Остальное составляют не считающиеся турком за людей евреи (15000), да восемь тысяч христиан различных исповеданий» [2. С. 448]. Иностранцы завели свои подворья за высокими стенами. Русские паломники живут «в трех громадных, отлично выстроенных, но довольно неопрятно содержимых корпусах “русских построек”. Это особый, свой, русский мир: “консул — свой русский барин, *кавасы* — то же, что отечественные бутари, собор в “постройках” прекрасный, духовенство русское, доктор русский, весь Иерусалим говорит с богомольцем — хорошо ли, худо ли — по-русски, даже пропасть русских вывесок: “русский кабак”, “торговля иконами”, “столярная мастерская”. И русский человек, косолапый, длиннополый, бородатый, в картузе, ходит и по городу, и за городом с таким же невозмутимым спокойствием, как по родному селу» [2. С. 449]. К туркам он привык, они у нас жили в плену. Один из таких пленных, живший в Курске, сделан помощником иерусалимского коменданта. Русский язык он забыл совершенно, но «до сих отчетливо различает водку Поповой от водки Кошелева, что он и доказал за ужином у нашего консула» [2. С. 449].

Описание схождения огня пополняет собой и без того известную по другим источникам картину, далекую от идиллии [2. С. 453–456], и автор с грустью заключает: «Да, все святое в Иерусалиме разрушено» [2. С. 456]. Невесело встретили путники Пасху 1887 г., «невеселы были и богомольцы, пришедшие сюда к празднику в числе трех тысяч. Все они воображали себе святые места не в том состоянии, в котором они находились в руках невежественного и корыстного греческого духовенства. Кроме того, искреннего паломника тяжело поражает то обстоятельство, что в среде богомольцев находится слишком много дурных элементов» [2. С. 458–459].

Сирия произвела на Дедлова самое светлое впечатление, в том числе и физической красотой своего населения. Он отмечает и религиозную пестроту населения, и активность американских, английских и немецких протестантов и иезуитов, которые «покрыли страну своими монастырями, миссиями и учебными и благотворительными заведениями» [2. С. 462]. Колоритно описание бедуинов: это «загорелый, страшно худой народ, с облагороженными острыми чертами еврейского типа, в дырявых верблюжьих бурнусах — пешком и верхом появляющиеся в городе [Дамаске. — Т.С.] для покупок» [2. С. 468]. «Наивные полудикари удивляются Дамаску, как дети, и разносят о нем сказки по бесконечным аравийским степям и пустыням, начинающимися тут же, за воротами Дамаска» [2. С. 468].

«Глухая Азия царит здесь полновластно»: нет ни театра, ни газет, ни библиотеки, ни ресторанов, ни клуба. Женщины выходят на улицу только под покрывалом, а богатч «должен жить, как заведено исстари» (согласно предписаниям османского шариата. — Т.С.) [2. С. 468–469]. Дамаск (заметим, как и многие города при Османах. — Т.С.) пребывает в упадке: «его торговля не может быть сказочно обширной уже потому, что вообще в Турции торговля не процветает по случаю отсутствия дорог и присутствия разбойников» [2. С. 469]. Грустно и описание Бейрута, и городков сирийского побережья [2. С. 475]. Географы отмечают крайне не благополучную, как бы сказали сегодня, «экологическую ситуацию», а политики «удивляются: как еще держится государство, состоящее из бесчисленных, враждебных друг другу народов и народцев, из подданных, почти не признающих своего правительства, и правительства, держащего себя среди подданных, как укротитель зверей в клетке с волками: сегодня вздул волков и здоров вышел из клетки, а завтра его, пожалуй, и съедят» [2. С. 475].

История доказала правоту предчувствий Дедлова — они сбылись.

Литература

1. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе: Дооктябрьский период. М., 1973. 434 с.
2. Дедлов В. (В.Л. Кизн). Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции. СПб., 1888.